

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ У ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ГОТОВНОСТИ К МАТЕРИНСТВУ

Басалаева Н.В.¹, Захарова Т.В.¹, Казакова Т.В.¹, Колокольникова З.У.¹, Паркайкина Г.А.¹, Мосина Н.А.²

¹Лесосибирский педагогический институт — филиал ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Лесосибирск, Россия (662544, Лесосибирск, ул. Победы, 42), e-mail: basnv@mail.ru, ta.zaharova@mail.ru, ktv999@mail.ru, kolokolnikova_zu@mail.ru,

²Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия (660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89), e-mail: mosina16@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей психологической суверенности у женщин с разным уровнем готовности к материнству. Психологическая готовность к материнству рассматривается как специфическое личностное образование, стержневой образующей которого является субъект-объектная ориентация в отношении к еще не родившемуся ребенку, которое после рождения ребенка продуцируется в реальное материнское поведение. С помощью структурированной беседы выделены три уровня готовности к материнству у студенток педагогического института. На основании анализа полученных результатов осуществлено распределение респондентов по типам суверенности психологического пространства. Представленные данные свидетельствуют о том, что, чем сувереннее переживаются границы психологического пространства, тем выше готовность к материнству.

Ключевые слова: суверенность, психологическая суверенность, готовность к материнству, психологическая готовность к материнству, студенчество

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SOVEREIGNTY IN GIRLS WITH DIFFERENT LEVELS OF MATURITY FOR MOTHERHOOD

Basalaeva N.V.¹, Zakharova T.V.¹, Kazakova T.V.¹, Kolokolnikova Z.U.¹, Parkaykina G.A.¹, Mosina N.A.²

¹The Lesosibirsk pedagogical Institute — the branch of FGAOU VPO «Siberian Federal University», Lesosibirsk, Russia (662544, Lesosibirsk, str. Victory, 42), e-mail: basnv@mail.ru, ta.zaharova@mail.ru, ktv999@mail.ru, kolokolnikova_zu@mail.ru

²Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'eva, Krasnoyarsk, Russia (660049, Krasnoyarsk, the street of Ada Lebedeva, 89), e-mail: mosina16@mail.ru

The article presents the results of empirical studies of the psychological sovereignty in women with different levels of readiness for motherhood. Psychological readiness for motherhood is seen as a specific personal formation, forming the core of which is the subject-object orientation with respect to the unborn child who after birth is produced in real maternal behavior. With the help of a structured conversation highlighted three levels of readiness for motherhood at students of pedagogical institute. Based on the analysis of the results carried out the distribution of respondents by type of sovereignty of psychological space. The data suggest that the sovereign borders of experienced psychological space, the greater the willingness to motherhood.

Keywords: sovereignty, the sovereignty of psychological and readiness for motherhood, psychological readiness for motherhood, students

Актуальность проблемы исследования обусловлена негативными особенностями демографической ситуации в современной России и потребностью в научном обосновании готовности к материнству как психологического явления. Процесс воспроизводства населения искажен количественно и качественно: произошел слом прежних образцов репродуктивного поведения и утвердилась ориентация на одно-двухдетную семью. Негативная демографическая картина усугубляется такими явлениями, как неудовлетворительное состояние здоровья новорожденных, рост числа аборт,

катастрофические масштабы социального сиротства, постоянно возрастающий уровень девиантного материнства. Эти явления во многом обусловлены недостаточной социальной ценностью материнства и, как следствие, психологической неготовностью женщины к роли матери. Поэтому материнство часто рассматривается как явление, снижающее адаптивные возможности женщины и ограничивающее ее собственное развитие.

Осознанная готовность к принятию другого в свой мир означает не только готовность к принятию определенных обязательств и ответственности, но и наличие достаточной проницаемости границ психологического пространства личности и реальных ресурсов для осуществления этого.

Психологическое пространство личности — это субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека и включающий комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет. Опираясь на точку зрения С.К. Нартовой-Бочавер, психологическую суверенность мы рассматриваем как состояние границ психологического пространства. Психологическая (личностная) суверенность определяется автором как «способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, в основе которой — обобщенный опыт успешного автономного поведения» [6, с. 38]. Кроме того, психологическая суверенность, по мнению С.К. Нартовой-Бочавер: 1) развивается в онтогенезе с изменением содержания психологического пространства личности, проходя через сензитивные к его измерениям периоды и отвечая задачам взросления человека; 2) проявляется в формах психической активности, соответствующей всем уровням индивидуальности: индивидуальному, предметно-содержательному, духовно-мировоззренческому; 3) определяет благополучие и продуктивность личности в различных сферах жизнедеятельности [5].

Особое место занимает «суверенность» в контексте системной антропологической психологии. В рамках концепции признается, что суверенная личность отличается от других тем, что несет ответственность за порядок и качество своего многомерного жизненного мира [7]. Она «способна самостоятельно, без посредников выходить к культуре и вычерпывать из нее основания для сохранения и развития своего многомерного мира, т.е. самой себя» [2, с. 92].

Изучение готовности к материнству в последние годы ведется в различных аспектах, но при всем многообразии подходов к изучению данной темы систематического исследования связи готовности к материнству, реального материнского поведения и развития ребенка не проводилось. Поэтому вопрос о ведущем факторе, обеспечивающем эту связь, остается открытым.

Большинство авторов (В.И. Брутман, Е.М. Матвеева и др.), исследующих проблему готовности к материнству, считают, что готовность к материнству формируется на протяжении всей жизни. На процесс формирования влияют как биологические, так и социальные факторы, поскольку готовность к материнству имеет, с одной стороны, мощную инстинктивную основу, а с другой — выступает как личностное образование, в котором отражается весь предыдущий опыт ее взаимоотношений со своими родителями, сверстниками, мужем и другими людьми [3].

В.И. Брутман рассматривает готовность к материнству как способность матери обеспечивать адекватные условия для развития ребенка, проявляющуюся в определенном типе отношения матери к ребенку. Тип материнского отношения, соответствующий готовности или неготовности к материнству, автор связывает с ценностью ребенка для матери [1].

Е.В. Матвеева определяет психологическую готовность к материнству как специфическое личностное образование, включающее в себя три блока готовности: потребностно-мотивационный блок; когнитивно-операционный блок и блок социально-личностной готовности к материнству. Потребностно-мотивационная готовность к материнству подразумевает потребность в материнстве и включает потребностно-эмоциональный и ценностно-смысловой компоненты. Потребность в материнстве — комплексная потребность. Она подразумевает рефлексии своих состояний и стремление к их переживанию в процессе взаимодействия с ребенком и не исчерпывается желанием иметь детей. Потребностно-эмоциональная готовность к материнству обеспечивает позитивное отношение женщины к беременности и настрой (без страха) на роды, эмоционально-положительный образ ребенка, желание заботиться о нем, радостно-счастливое отношение к роли матери. Ценностно-смысловая готовность к материнству предполагает осознание женщиной высокой степени ценности ребенка и материнства среди других ценностей, «правильные» представления о смысле детей и материнства. Содержание когнитивно-операционного блока составляют знание женщиной своих материнских функций, знание о психофизиологических особенностях в период беременности, знание о родах и об особенностях воспитания и развития детей, представление о некоторых операциях общения и взаимодействия с ребенком и ухода за ним, знание о грудном вскармливании. Блок социально-личностной готовности к материнству включает развитие половой идентификации женщины, установки на стратегию воспитания ребенка, представление о важных для развития ребенка личностных качествах матери, позитивное восприятие своей родительской роли, осознание ответственности за развитие ребенка и свою материнскую

позицию, готовность преодолевать трудности, связанные с рождением и воспитанием ребенка [4].

Подводя итог, можно сказать, что существует три уровня психологической готовности к материнству:

1) низкий уровень готовности к материнству характеризуется наличием колебаний в принятии решения иметь ребенка, негативных ощущений и переживаний в период беременности;

2) средний уровень: у таких женщин наблюдается противоречивая установка на воспитание (они не собираются часто брать ребенка на руки, не сторонницы кормления по часам и т.д.);

3) высокий уровень: эти женщины не испытывают колебаний в принятии решения иметь ребенка, радуются, узнав о беременности.

Таким образом, под психологической готовностью к материнству мы будем понимать специфическое личностное образование, стержневой образующей которого является субъект-объектная ориентация в отношении к еще не родившемуся ребенку, которое после рождения ребенка продуцируется в реальное материнское поведение.

Цель исследования

Цель экспериментального исследования — изучение особенностей психологической суверенности у женщин с разным уровнем готовности к материнству.

Материал и методы исследования

В качестве диагностического инструментария мы использовали опросник С.К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства» и структурированную беседу (автор А.А. Евдокимова).

Исследование было организовано и проведено в течение 2013 г. на студенческой выборке факультета педагогики и психологии Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Количество выборки – 40 человек, средний возраст исследуемых 22 года.

Результаты исследования и их обсуждение

На основании анализа полученных результатов осуществлено распределение респондентов по типам суверенности психологического пространства. Так, выявлено 15% девушек со сверхсуверенным типом психологического пространства, что проявляется как явление сверхкомпенсации в ответ на избыточно депривационные воздействия извне. Такие респонденты характеризуются высокой избирательностью в своих социальных связях, вплоть до социальной ригидности и консерватизма. Для них характерна попытка насаждения своих взглядов, ценностей, вкусов другим людям.

В ходе исследования было выявлено 7 респондентов (17,5%) с низким уровнем суверенности, что выражается в неспособности контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство. Также можно отметить у них наличие негативных реакций на социальные взаимодействия, в худших их проявлениях выражаемых желанием личности отграничить себя от социума. Такие студенты переживают дискомфорт, вызванный прикосновениями других людей, запахами; их личным пространством может распоряжаться кто угодно; они не имеют личных вещей, собственных привычек, взглядов и ценностей. Депривированность этих респондентов характеризуется переживанием подчиненности, отчужденности, фрагментарности собственной жизни и затруднениями в поиске объектов среды, с которыми человек себя идентифицирует, ощущая себя «на чужой территории» и не в своем времени.

27 респондентов (67,5%) из опрошенных имеют нормальный уровень суверенности психологического пространства. Для них характерно ощущение безопасности своего тела, они спокойно воспринимают чужое прикосновение. Эти респонденты поступают согласно собственным желаниям и убеждениям, ощущают свою уместность в пространственно-временных ценностных обстоятельствах своей жизни, которые они создают либо принимают.

Следующим этапом нами была проведена структурированная беседа, позволяющая выявить отношение испытуемых к различным вопросам, касающимся материнства. Она позволила выделить три уровня готовности к материнству: низкий, средний и высокий.

В группе испытуемых с высоким уровнем суверенности выявлено 15% респонденток со средним уровнем готовности к материнству. Это выражается в том, что у таких девушек выявлено объектное отношение к будущему ребенку, т.е. ребенок для них является средством достижения своих собственных целей или же помехой в их достижении, но не самооценностью («любой женщине положено иметь детей», «ребенок нужен для укрепления семьи», «ребенок – это крах личной жизни»). У этих девушек были выявлены страхи, связанные с изменением фигуры во время беременности и болью во время родов, отсутствовали представления об организации воспитания и ухода за маленьким ребенком (например, они были не готовы кормить ребенка грудью и проводить с ним все время), считали приемлемыми применение физических наказаний, возможно, потому что сами подвергались этому в детстве. У респонденток этой группы была выявлена направленность на излишнюю эмоциональную дистанцию или излишнюю концентрацию в воспитании ребенка.

В группе испытуемых с низким уровнем суверенности выявлено 17,5% респонденток со средним уровнем готовности к материнству. Девушки данной группы были готовы сразу

после получения образования создать семью, потому что так положено и родители привили им это с детства. Они признавали большую ценность ребенка по сравнению с ценностью карьеры. Такие девушки с уверенностью заявляли о неприемлемости для них аборта. Практически все девушки этой группы имели положительный коммуникативный опыт в раннем детстве, мама для них — самый близкий и родной человек. У этих девушек было выявлено субъектное отношение к будущему ребенку, т.е. ребенок для них являлся самостоятельной ценностью: они характеризовали рождение ребенка как радость, материнство — как счастье, высшее благо. У девушек данной группы не было выявлено страхов, связанных с изменением фигуры во время беременности, но у некоторых из испытуемых наблюдался страх перед родами. У этих девушек имелись достаточно обширные познания в сфере организации воспитания ухода за ребенком: они были готовы кормить ребенка грудью столько, сколько потребуется, и считали неприемлемыми физические наказания. Также у девушек данной группы была выявлена направленность на оптимальный эмоциональный контакт в воспитании ребенка.

В группе испытуемых с нормальным уровнем суверенности выявлено 27,5% респонденток со средним уровнем готовности к материнству. У девушек этой группы наблюдалась неопределенность в выборе своего будущего: карьера и ребенок для них являлись равноценными. Отношения с собственной матерью такие девушки характеризовали как «нормальные», «более или менее». Все испытуемые этой группы связывают появление ребенка с положительными эмоциями, характеризуя его рождение как счастье, радость, чудо. Страхи, связанные с беременностью и родами, у них есть, и это нормально, что позволяет нам сделать вывод о том, что у испытуемых сформирован положительный образ ребенка.

Также в этой группе испытуемых выявлено 40% респонденток с высоким уровнем готовности к материнству. Эта группа девушек видит себя в будущем матерями, т.е. согласны с тем, что главная функция любой женщины – это родить и воспитать ребенка, но на данный период времени они в большинстве своем не готовы родить. Девушки данной группы, отвечая на вопрос о приемлемости для них аборта, испытывали колебания, но в большинстве своем отвечали, что не смогут пойти на это. У таких девушек также наблюдалось объектное отношение к будущему ребенку: они признавали, что появление ребенка – это счастье, но при этом отмечали, что ребенок – это прежде всего большая ответственность и много трудностей и ограничений. У девушек данной группы также наблюдались страхи, связанные с беременностью и родами. Такие девушки имели начальные представления об организации воспитания и ухода за маленьким ребенком: они были готовы к грудному вскармливанию, но не знали, сколько времени необходимо кормить грудью,

большинство из них считали приемлемыми физические наказания по необходимости. У этих девушек была выявлена направленность на излишнюю концентрацию в воспитании ребенка, но также и направленность на оптимальный эмоциональный контакт.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что, чем сувереннее переживаются границы психологического пространства, тем выше готовность к материнству.

Список литературы

1. Брутман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Предпосылки девиантного материнского поведения // Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 79–87.
2. Буравцова Н.В. Взаимосвязь психологического пространства личности и эмпатии студентов-педагогов и психологов // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 9. – С. 89–97.
3. Кригер Г.Н., Федотова Л.М. Готовность молодых женщин к материнству и воспитанию детей // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – № 30. – С. 153–159.
4. Матвеева Е.М. Ценностно-потребностные детерминанты материнства // Материалы Всероссийской науч. конф. – Иваново, 2002. – С. 35–39.
5. Нартова-Бочавер С.К. Опросник «Суверенность психологического пространства» — новый метод диагностики личности // Психологический журнал. – 2004. – № 5. – С. 77–89.
6. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 317 с.
7. Трофимова Ю.В. Проявление суверенности в юношеском возрасте // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской науч. конф. – М., 2012. – С. 48–49.

Рецензенты:

Чижакова Г.И., д.п.н., профессор, профессор кафедры психологии и педагогики начального образования КГПУ им. В.П.Астафьева, г. Красноярск;

Логинова И.О., д.псих.н., профессор, зав. каф. психологии и педагогики с курсом медицин. психологии, психотерапии и педагогики ПО, декан факультета клинической психологии ГБОУ ВПО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, г. Красноярск.